Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie
Band I, S. 119–132
Berlin 1970

М. И. Артамонов

Славяне и Болгары в Поднепровье

В русской историографии распространено представление, что восточные славяне издавна соседили со степными кочевниками и вели с ними непрестанную борьбу. Это представление не соответствует действительности, так как славяне появились в лесостепном пограничьи сравнительно поздно — в раннем Средневековье, а до этого были отделены от кочевников другими народами. Несомненные славянские памятники в Днепровском Правобережье относятся ко времени не раньше 6 в. н. э. и притом расположены в значительном отдалении от Днепра — на Волыни в бассейне р. Тетерева и в Подолии по верхнему течению Южного Буга и по Днестру. Ранее славяне находились вдали от степняков за широкой полосой, занятой оседло-земледельческой черняховской культурой, в составе населения которой, если и были славяне, то они остаются не выделенными из числа других представленных в ней этнических элементов и разделили общую с ними судьбу. Только после исчезновения этой культуры в результате гуннского нашествия в западной части ее территории появляются намятники славянской принадлежности. Это поселения и погребения с так называемой корчакской керамикой, аналогичной с получающей в одно время с нею широкое распространение керамикой пражского типа.[1] В Правобережную поднепровскую Украину славяне проникают тогда же, когда они становятся известными в Средней Европе и на Балканском полуострове.

На берегах Среднего и Нижнего Днепра равно как и во всем Днепровском Левобережье славянских памятников того же рода неизвестно. Некоторые советские археологи считают славянскими поселения, обнаруженные как по правую, так и по левую сторону Днепра, с похожей на корчакскую грубой лепной керамикой, отличающейся особыми формами, среди которых наиболее характерными являются горшки с ребристым перегибом стенок, би-

[1] В. П. Петров. Памятники корчакского типа (по материалам С. С. Гамченко). МИА № 108, 1963, стр. 16 сл.; Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. Slavia antiqua 7, Poznań, 1960; М. И. Артамонов. Вопросы расселения славян и советская археология. В сб. Проблемы всеобщей истории. Л. 1967, стр. 33 сл.

конические. По первому места своего обнаружения на р. Тясмине эта керамика получила название пеньковской.[2] В ряде случаев вместе с нею находятся сосуды много более совершенной выделки на гончарном круге, поверхность которых украшена пролощеным геометрическим орнаментом. Следы ремесленного производства такой керамики обнаружены в балке Канцирке на Нижнем Днепре и в Тарановом Яру в Полтавщине.[3] Сделанные на гончарном круге сосуды с керамикой корчакского типа не встречаются.

Самым замечательным памятником, в котором грубые биконические горшки пеньковского типа найдены вместе с гончарной посудой, украшенной пролощенным узором, является Пастырское городище в бассейне р. Тясмина. Это, собственно говоря, поселение, расположенное внутри мощного укрепления скифского времени, занимающее часть его площади, обведенной огромными земляными валами. Поселение это с хорошо выраженным культурным слоем, с земляночными жилищами и производственными помещениями. Кроме керамики и костей животных в культурных отложениях его найдены предметы вооружения, сельско-хозяйственного, в частности земледельческого производства, ремесла и многочисленные серебряные и бронзовые украшения. Последние состоят из так называемых пальчатых и зооморфных фибул, браслетов, серег, подвесок, пряжек, бляшек и т. п. вещей преимущественно женского обихода. На поселении было обнаружено не менее трех кладов, состоящих из таких украшений.[4] Нет сомнения, что жители Пастырского поселения вели оседлый образ жизни, занимались сельским хозяйством и ремеслом, в частности кузнечным и ювелирным.

Другие поселения с того же рода находками, лучше всего известные в Надпорожье и по р. Тясмину, в отличие от Пастырского представляют очень слабо выраженный культурный слой и, по всей вероятности, свидетельствуют не о долговременной оседлости своих обитателей, а о крат-

[2] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА № 108, 1963, стр. 145 сл.; И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. В сб. Славяне и Русь. М. 1968, стр. 143.

[3] А. Т. Брайчевська. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. Археологія, вып. ХШ, 1961, стр. 114; Т. М. Минаева. Кераміка в балці Канцирка в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі. Археологія, вып. ХШ, 1961, стр. 119 сл.; Н. Макаренко. Отчет об исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 116 сл.

[4] М. Ю. Брайчевский. Работы на Пасгерском городище в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 155 сл.; М. Ю. Брайчевский. Исследование Пастерского городища в 1955 г. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 95 сл.; М. Ю. Брайчевський. Нові розкопки на Пастерському городищі. АП, т. V, 1955, стр. 73 с..; М. Ю. Брайчевський. Пастирський скарб 1949 р. Археологія, вып. VII, 1952, стр. 161 сл.; А. Т. Брайчевская Кузница на Пастерском городище. КСИА, вып. 9, 1959, стр. 102 сл.; Древности Приднепровья. Собрание Б. И. и В. И. Ханенко. вып. П, 1899, стр. 8, вып. IV, табл. V, VI, XIII.

ковременном пребывании их на данном месте.[5] Это сезонные стойбища кочевников-скотоводов, а не оседлых земледельцев. О том же говорят и случайные находки отдельных вещей пастырских типов, происходящие из различных пунктов по обе стороны Днепра. Они находятся по большей части на песчаных побережьях рек Днепровского бассейна и составляют в целом около четырехсот экземпляров. Это вещи, утраченные своими владельцами на местах кратковременных остановок при перекочевках. Таким образом оказывается, что Поднепровье в 6–7 вв., какими датируются вещи пастырских типов, было занято не оседлыми земледельцами, а кочевниками, у которых однако существовали и оседлые поселения вроде Пастырского городища, по всей вероятности являвшиеся ремесленными и административными центрами поднепровского населения.

Наиболее яркими памятниками этого населения являются клады серебряных и бронзовых вещей, известные к настоящему времени в числе более двух десятков по обе стороны Днепра.[6] В это число входят и упомянутые клады Пастырского городища. Самым замечательным является Мартыновский клад, по имени которого и вся культура, представленная однородными с ним вещами, называется иногда мартыновской. Этот клад, как и некоторые другие, включает в свой состав металлический лом, из чего можно заключить, что часть кладов оставлена ювелирами-ремесленниками[7]. Судя по составу кладов, можно полагать, что они были скрыты в земле приблизительно в одно время, вероятно ввиду вражеского нашествия. Вопреки мнению Г. Ф. Корзухиной[8], нет оснований утверждать, что клады зарывались только оседлыми земледельцами, они могли устраиваться и кочевниками, перед лицом надвигающейся опасности озабоченными сохранностью своих ценностей.

К северу по Днепру клады встречаются вплоть до Киева, в Правобережье их больше всего найдено в Каневщине. На левой стороне Днепра они находятся в Полтавщине, Черниговщине, Харьковщине и в Курской области. Самый восточный обнаружен у с. Колосково Воронежской области на р. Осколе. Однако область распространения кладов только приблизительно очерчивает территорию пастырской культуры. Много точнее она определяется распространением случайных находок вещей тех же, что в кладах, типов. Так, наиболее южные находки вещей этой культуры локализуются в Надпорожьбе и по среднему течению р. Южного Буга, где кладов не найдено, охватывая таким образом не только лесостепную, но частично и степную Украину.

[5] Д. Т. Березовец. Поселения уличей, стр. 192 сл.

[6] А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. П. Соболевского. М. 1928
Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, вып. XVII, 1953, стр. 52 сл.

[7] N. Fettich, Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Archaeologia Hungarica XXXI, 1951, S. 153.

[8] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине 1 тысячелетия н. э. СА, вып. XXII, 1955, стр. 73.

Из металлических вещей пастырской культуры наиболее характерными являются фибулы, среди которых различаются пальчатые, антропозооморфные и двупластинчатые.[9] Пальчатые фибулы имеют широкое распространение и известны от Швеции до Западной Австрии (Тироля) в одном направлении и от Южной Прибалтики до Крыма и Балканского полуострова в другом. Они встречаются даже в Малой Азии (Пергам). Кроме Поднепровья, больше всего их найдено в северо-западной Польше и в бассейне Дуная. По величине они делятся на малые, средние и большие. Последние две группы характерны для Поднепровья и Крыма. Антропозооморфные, являющиеся вариантом пальчатых, представлены находками почти исключительно с территории пастырской культуры. Большая часть и происходит с Пастырского городища. Двупластинчатые фибулы все найдены в Поднепровье. Из сказанного следует, что для пастырской культуры типичны средние и особенно большие пальчатые, анторпозооморфные и друпластинчатые фибулы. Они встречаются парами и сериями, что указывает на их местное производство. Наиболее сходные с ними по форме и орнаменту пальчатые фибулы найдены в Крыму,[10] ввиду чего существует маловероятное предположение о происхождении всех их из Крыма. Однако, скорее всего и крымские фибулы изготовлены в Поднепровье. Место производства антропозооморфных и двупластинчатых фибул в Поднепровье не вызывает сомнений. Своим происхождением антропозооморфные фибулы по-видимому восходят к дунайским фибулам с обрамлением из птичьих головок, какие встречаются и в Поднепровье.

Малые пальчатые фибулы в кладах пастырской культуры отсутствуют, они не характерны и для других комплексов пастырской культуры. Зато они во множестве находятся в северо-западной Польше и в Подунавье. Их нередко находят вместе со славянской керамикой пражского типа. Эти фибулы считаются германскими.[11] Возможно, что с германцами они проникли в северо-западную Польшу и у германцев заимствованы славянами как Подунавья, так и Правобережной Украины.

Многие другие вещи пастырской культуры, как и пальчатые фибулы, имеют много общего с Подунавьем. Близкие к дунайским формы представ-

[9] Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 54 сл.; J. Werner, Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. Reinecke-Festschrift 1950; J. Werner, Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südeuropäischen Ländern. Germania, 1960, 1–2, S. 118; D. Csallany, Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken [454–568 u. Z.), Budapest, 1961; A. Petre, Fibulele „digitate" de la Histria, Studii şi cercetări de istorie veche 16, 1965, 1–2; A. Petre, Contributia atelierelor romano-bizantine. La geneza unor tipuri de fibula „digitate" din Veacurile VI-VII e. n., Studii si cercetări de istorie veche 17, 1966, 1–2.

[10] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906.

[11] H. Kühn, Das Problem der masurgermanischen Fibeln in Ostpreußen, Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte 5, 1956; E. Sturms, Zur ethnischen Deutung der „masurgermanischen" Kultur. Archaeologia geographica, 1950, 1–2.

ляют фигурные серьги.[12] Они литые, спаянные из частей или штампованные, причем в отличие от дунайских, по большей части спаянных, пастырские литые или реже штампованные. Центр развития их находился по-видимому в Подунавье, где они продолжают свое существование и позже, тогда как в Поднепровье исчезают вместе с пастырской культурой.

Браслеты с расширяющимися концами тоже находятся как в Поднепровье, так и в Подунавье с той лишь, разницей, что в первой из этих областей они с граненными концами, тогда как во второй с круглыми. Так как дунайские формы встречаются и в Поднепровье, а поднепровских на Дунае нет, надо полагать, что в обоих областях они развивались независимо друг от друга, но дунайские формы имели более широкое распространение.

Широко распространены украшения наборных поясов. Среди них имеются как литые, так и штампованные. В пастырской культуре преобладают более древние литые, штампованных бляшек, характерных для степной полосы Причерноморья и Подунавья, очень мало. Нет и обычного для штампованных бляшек растительного узора. Пастырские поясные наконечники и накладки не имеют столь вычурных форм и столь пышного орнамента, как придунайские. В этом отношении они сходны с причерноморскими, в частности с керченскими. Для тех и других типичен прорезной узор, иногда в виде человеческой личины.

Большой интерес вызывают неизвестного назначения фигурки людей и животных из Мартыновского клада[13] и поселения у д. Скибинцы на Южном Буге.[14] Подобные известны на Кавказе, в Центральной и Юго-восточной Европе, в частности в Северной Греции.[15] Эти фигурки не вполне однородны: одни из них, как и пастырские, литые, другие штампованные, среди них различаются более и менее реалистические, более и менее орнаментализированные. Фигурки „пляшущих" человечков, сходные с мартыновскими, известны на Кавказе, где они появляются еще в 4—5 вв. [16]и бытуют в аланской и салтовской культурах.

[12] N. Fettich, Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Archaeologia Hungarica XXXI, 1951; H. Svoboda, Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku. Pamatky archaeologicke, XLIV, 1953; J. Korošec, Podela naušnica sa svezdolikim priveskom u slavenskim kulturama Jugoslovena. Glasnik, IX, 1954.

[13] Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 86 сл.

[14] П. Хавлюк. Новая находка зооморфного изображения мартыновского типа на славянском поселении. Сообщения гос. Эрмитажа, вып. XIX, 1960.

[15] Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной на р. Урупе. КСИИМК, вып. 68, 1952; N. Fettich, Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn. Archaeologia Hungarica I, 1926; J. Behrens, Das rückblickende Tier in der vor- und frühgeschichtlichen Kunst Mitteleuropas. Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Mainz, I, 1952; J. Werner, Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1952, N. 2.

[16] И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. н. э. в д. Айвазовское. СА 1957, № 2.

Хронология пастырской культуры устанавливается по дате маленькой серебряной чашечки Мартыновского клада. Она константинопольской работы с клеймом на донышке, относящемся к середине или третьей четверти 6 в. [17]Не меньшее значение для этой цели имеют аналогичные с пастырскими пальчатые фибулы, найденные вместе с византийскими монетами в крымском могильнике Суук-Су. Там они датируются 6 и первой половиной 7 вв. Типологически позднейшие кованые двупластинчатые фибулы найдены в Харивском кладе в горшке волынцевского типа,[18] появляюшемся не раньше конца 7 нач. 8 вв. Сходные с ними имеются среди находок северокавказского аланского могильника Песчанка 8 в.[19] и в Ивахниковском кладе Полтавской области,[20] относимом к 9 в. Так как вещей, характерных для 8 в., в пастырской культуре нет, то наиболее вероятным временем ее исчезновения следует признать начало 8 в. или даже конец 7 в.

Погребений, которые можно было бы отнести к пастырской культуре, почти неизвестно. Только одно, обнаруженное у с. Балаклея Чигиринского района,[21] где при скелете находились фибулы, браслеты и другие вещи этой культуры, может быть со значительной степенью вероятности отнесено к этой культуре. Кроме того впуское погребение с зооморфной фибулой встречено при раскопке кургана у с. Поставмуки Лохвицкого района Полтавщины,[22] да две пальчатых фибулы происходят из с. Буды и хут. Березовка Ахтырского района Харьковщины,[23] по-видимому так же, как и балаклейское, из погребений с трупоположениями. Но известны случаи нахождения пастырских вещей и в сожжениях. Такие вещи обнаружены в д. Моква близ Курска[24] и в окрестностях г. Трубчевска.[25] Однако эти и другие погребения с трупосожжениями происходят из северной окраины лесостепной полосы и могут принадлежать не создателям пастырской культуры, а их северным соседям, к которым проникали вещи пастырского типа. Погребальные памятники пастырской культуры остаются не установленными.

Тем не менее пастырская кульрута четко отличается от соседних культур — славянской на западе и балтской на севере, но зато по ряду признаков

[17] E. C. Dodd, Byzantine silver stamps. Washington, 1961; Л. А. Мацулевич. Византийский антик в Прикамье. МИА, № 1, 1940, стр. 139.

[18] Д. Т. Березовец. Харівский скарб. Археологія, вып. VI, 1952, стр. 109 сл.

[19] ОАК 1898, стр. 126 сл.

[20] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. Л. 1954, стр. 79 сл.

[21] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, 1894, стр. 29, 148 сл., табл. 1,3.

[22] Н. П. Авенариус. Поставмуские курганы. Записки Русского археологического общества, т. VIII, в. 1–2, 1896, стр. 184.

[23] В. Е. Данилевич. Раскопка курганов около с. Буд и хут. Березовка Ахтырского уезда. Труды XII археологического с' езда, т. I, 1905, стр. 428.

[24] А. А. Спицын. Древности антов, стр. 494.

[25] О. А. Падин. Раннеславянское поселение и могильник в районе Трубчев ска. СА 1960, № 3, стр. 317.

сближается со степными культурами того, что и она, и более раннего времени. Она принадлежала особому кочевому народу, лишь частично связанному с оседлостью. Это был степной народ, распространивший свои владения на часть области, ранее заселенной оседлыми земледельцами черняховской культуры.

Народом, в конце 4 нач. 5 вв. уничтожившим черняховскую культуры, были гунны. Они разгромили царство готов, население которого было частью перебито, частью бежало на Балканский полуостров, а частью увлечено гуннами в их дальнейшем движении. Из Северного Причерноморья гунны вторглись в Подунавье — в Венгерскую равнину, где и оставались до середины 5 в., когда после отложения от них алан и готов вынуждены были вернуться в Причерноморье. В состав гуннов входили разные этнические образования, меньше всего в нем было собственно гуннов — хунну, в конце 1 в. н. э. изгнанных китайцами из Северной Монголии и через Синьцзян и Джунгарские ворота проникших в Северный Казахстан. На длинном пути от Монголии по степям Центральной Азии и Казахстана до Центральной Европы хунну включили в свой состав или увлекли за собой ряд других народов, часть которых при этом отюречилась, а часть сохранила свою этническую самобытность. В числе последних были аланы и готы, и под властью гуннов оставшиеся особыми народами. Вместе с гуннами степи Северного Причерноморья заполонило тюркоязычное население, в 6 в. известное под именем гунно-болгар или болгар. В этом веке византийские авторы различали две больших группы болгар — утигуров на востоке и кутригуров на западе Северного Причерноморья. Границей между ними была р. Дон.

В разделении утигур и кутригур особенно большую роль сыграло аварское вторжение. Кутригуры вошли в состав Аварского каганата, центр которого находился в Подунавье — в Паннонии. Часть их вместе с аварами в 568 г. переселилась в Подунавье. Связи кутригуров с аварами не могли не сказаться на облике поднепровской пастырской культуры. Ими объясняется сходство ряда элементов культуры Поднепровья и Подунавья, к тому же и тут и там уходящих своими корнями в культуру аланов и готов предшествующего гуннского периода.

Между 567 и 571 гг. алтайские тюрки, в короткое время создавшие огромную империю, подчинили своей власти восточных болгар — утигуров, но Тюркская держава скоро распалась на составные части. Около 630 г. восточные болгары образовали самостоятельное царство с тюркуской (дулуской) династией во главе. Первый из независимых правителей этого царства Кубрат в 635 г., ввиду распадения Аварского каганата, присоединил западных болгар — кутригуров и таким образом создал просуществовавшую короткое время так называемую Великую Болгарию. Около середины 7 в. по соседству с ней в степях Северного Дагестана и Нижней Волги и тоже из развалин Тюркской империи возникло Хазарское царство, первым делом которого явилось подчинение распавшихся на части после смерти Кубрата

болгар. Не желавшие покориться хазарам болгары бежали частью на Среднюю Волгу, а частью на запад. Хазары преследовали последних и захватили Северное Причерноморье до Днепра. Дальнейшие завоевания их на западе были приостановлены особенно сильно разгоревшейся в двадцатые и тридцатые годы 8 в. угрожавшей самому существованию Хазарского государства войной с арабами: Все силы хазар были обращены на юг против арабов и обосновавшиеся к этому времени на Нижнем Дунае болгары могли почувствовать себя в безопасности, заняться подчинением местного славянского населения и образованием нового царства — Дунайской Болгарии.

В свете перечисленных исторических событий[26] принадлежность пастырской культуры западным болгарам — кутригурам была бы несомненной, если бы наряду с ней в Поднепровье не существовало другой культуры, наиболее ярким представителем которой является знаменитый Перещепинский клад.[27]

Г. Ф. Корзухина выразила сомнение в том, что Перщепинская находка является кладом в собственном смысле этого слова, а не представляет собой инвентарь погребения, подобного тем, какие были обнаружены в степной Поднепровье у с. Вознесенка на месте г. Запорожья и у с. Глодосы в верховьях р. Сухой Ташлык Кировоградской области[28] Наиболее интересным является погребение в с. Вознесенка.[29] Там в двух находящихся одна возле другой ямах с остатками трупосожжения внутри круга из камней были найдены частью попорченные огнем, а частью без следов действия огня вещи, состоявшие главным образом из оружия и конского снаряжения с украшениями из золота и серебра. Судя по этим вещам в ямах находились останки не менее трех человек (три сабли) в сопровождении сбруи по меньшей мере сорока лошадей (сорок удил). В числе находок были также два поврежденных огнем навершия — одно в виде льва, а другое орла со змеей, представляющие собой значки войсковых подразделений византийского происхождения.[30] Погребение находилось внутри прямоугольной каменной ограды около 80 м длиной и 50 шириной, являющейся по всей вероятности остатком временного укрепленного лагеря. Из обстановки погребения и состава находившихся в нем вещей следует, что оно оставлено военным отрядом, потерявшем в бою с врагами в числе прочих не менее двух своих предводителей.

Погребение у с. Глодосы тоже было трупосожжением с вещами того же рода, что и найденны в с. Вознесенке и Перещепинском кладе.[31] Известно

[26] М. И. Артамонов. История хазар. Л. 1962.

[27] А. А. Бобринский. Перещепинский клад. Материалы по археологии России № 34, 1914.

[28] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья, стр. 68.

[29] В. Л. Гриченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запорожжі. Археологія, вып. III, 1950, стр. 37 сл.

[30] Л. А. Мацулевич. Войсковой знак V в. Византийский временник, т. XVI, 1959, стр. 183 сл.

[31] А. Т. Сміленко. Глодоські скарби. Київ 1966.

и еще несколько находок, слывущих под именем кладов, содержащих вещи тех же типов, и, хотя прямых указаний на принадлежность их погребениям нет, предположение о таком их значении все же является весьма вероятным. Монеты в составе этих находок определяют их хронологию концом 7 нач. 8 вв., т. е. примерно тем же временем, к которому относятся клады пастырской культуры. Заслуживает внимания и еще одно обстоятельство, а именно, что находки перещепинского типа локализуются в степи или в лесостепном пограничьи, тогда как пастырские клады сосредоточены в лесостепной полосе, хотя, как уже указывалось, пастырская культура обнимала и степи Поднепровья.

Во всем этом нельзя не усмотреть указания на определенные отношения между перещепинской и пастырской культурами, особенно если к этому добавить, что это действигельно разные культуры, из которых перещепинкая обнаруживает тесную связь со степной Евразией и рядом своих признаков смыкается с культурами тюркских народов Сибири. Несмотря на наличие вещей сасанидско-иранского и византийского происхождения, эта культура, уходящая своими корнями в восточные области распространения степных культур и сходная с современными ей культурами Алтая и Минусинского края, из чего естественно заключить, что она принадлежала новой волне азиатских кочевников в Восточной Европе и сформировалась на иной, чем пастырская, основе. Весьма вероятным поэтому представляется, что перещепинская культура связывается с хазарами и ее появление в Поднепровье явилось следствием вторжения в эту область именно хазар, а не каких либо других завоевателей. В конце 7 нач. 8 вв. хазары, тесня босгар, распространили свою власть на Поднепровье и памятниками их движения в этом направлении и борьбы с болгарами и могут быть находки перещепинского типа.[32]

Этнически болгары и хазары состояли в близком родстве между собой ввиду чего естественно предположить, что характерный для болгар обряд погребения посредством трупоположения был распространен и у хазар. К сожалению определенно хазарских погребений перещепинского времени в основной части расселения хазар, т. е. в Северном Дагестане и на Нижней Волге неизвестно, но, с другой стороны, в этой области неизвестно и трупосожжений того же времени. Зато они имеются для более раннего времени — 4–5 вв: на Нижней Волге так же, как и на Нижнем Днепре. В данном случае имеются в виду курганы с трупосожжениями в районе Саратова, раскопанные П. С. Рыковым и Рау,[33] а на Днепре замощенные камнем могилы

[32] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья, стр. 19.

[33] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Ученые записки Саратовского гос. университета. т, VI, в. 3, 1927; П. Д. Рау. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья. Труды Отделения археологии РАНИОН, 1926, стр. 431; П. С. Рыков. Очерки истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936, стр. 103; И. В. Синицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Известия Саратовского нижне-волж-

с останками сожженных покойников у с. Ново-Григорьевки на р. Конке.[34] Кому бы не принадлежали эти погребения, они показывают, что трупосожжения практиковались в степной полосе в гуннское и непосредственно следующее за ним время и что следовательно у какой то части населения степей этот обряд мог сохраниться и в последующем хазарском периоде. Не исключено, что он был особенностью господствующего слоя Хазарского каганата, который, подчинив хазар, остался во главе их после распадения Тюркской империи и превращения Хазарии в самостоятельное государство с тюркской династией во главе. Это могли быть алтайские тюрки. У них так же, как несколько позже у енисейских киргизов, погребения совершались посредством трупосожжения.[35]

Как бы то ни было, оснований связывать появление перещепинской культуры в степном Поднепровье с хазарским завоеванием вполне достаточно. Хазары разгромили кутригуров и уничтожили Пастырское поселение. Кутригуры оказывали упорное сопротивление, но под ударами врагов вынуждены были спасаться в лесах северной окраины своей страны. Настигаемые и там хазарами, они зарывали свои ценности в землю. Часть кутригуров могла устремиться не на север, а на юго-запад к занявшим своими кочевьями Буджакскую степь оногурам Аспаруха и даже вместе с ними уйти за Дунай. Более чем вероятно, что и до хазарского вторжения кутригуры заселяли не только Поднепровье, но и степь между Днестром и Дунаем. Грубая лепная керамика пеньковского типа встречается в северо-западном Причерноморье.[36] После того, как хазарское завоевание остановилось на Нужнем Днепре, северо-западное Причерноморье занимали именно кутри-

ского института краеведения, т. VII, 1936; И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947; И. П. Зарецкая. О хронологии погребений эпохи переселения народов Нижнего Поволжья. СА 1968. № 2, стр. 52; И. П. Зарецкая. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. Археологический сборник, вып. 10, 1968, стр. 35 сл.; P. Rau Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebietes im Jahre 1926, Pokrowsk 1927, S. 47.

[34] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Александропольского уезда Екатеринославской губ. Труды VI археологического с'езда, т. I, 1886, стр. 200 сл.; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М. 1908, стр. 132 сл.; Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог древностей. Варшава, 1892, табл. IX; J. Werner, Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, 1956, Taf. 52, 53.

[35] Л. Н. Гумилев. Алтайская ветвь тюрок-тугю. СА 1959, № 1, стр. 105 сл.; А. Д. Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. В сб. История, археология и этнография Средней Азим. М. 1968 стр. 207; А. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов ёхакасов. Абакан, 1948.

[36] Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой. Материальная культура ранних славян в Карпато-Дунайских землях (VI–IX вв. н. э.). В сб. Славяне и Русь, стр. 200 сл.; И. А. Рафалович. Поселение VI–VII вв. у с. Ханска. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 94 сл.; J. Barnea, L'incendie de la cité de Dinogetia au VI siècle. Dacia X, 1966, p. 251, fig. 12, 13.

гуры и они позже, в 10 в. составляли тех полунезависимых от Дунайской Болгарии черных или внутренних болгар, сведения о которых сохранились у арабских географов и Константина Багрянородного.[37]

Пока на Днепре господствовали кутригуры с их пастырской культурой славянам не было пути не только на левую сторону этой реки, но и на ее правый берег. Правда, они пробивались вдоль Карпат к Дунаю, с чем, вероятно, и связаны их столкновения с кутригурами, вынудившие последних обратиться за помощью к аварам[38], но то было другое, более привлекательное для славян направление их упорного расселения из стесненных границ своей прародины. На Днепре в то же время следов славян не заметно. Только после разгрома кутригуров хазарами они оказались в Киевщине и стали занимать среднеднепровское Левобережье. Так как страна эта была уже завоевана хазарами, распространение славян по украинской лесостепи не могло совершиться без ведома и разрешения хазар, а следовательно и без подчинения славян последним. Занятые войной с арабами, хазары ограничились обложением славян данью, судя по сообщению Русской летописи, не слишком тяжелой. Но зато славянам приходилось остерегаться грабительских шаек, высылаемых степью за добычей. Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что в Левобережье большинство славянских поселений укрепленные городища роменской или роменско-боршевской культуры. Среди них почти не встречается таких, которые бы кончили свое существование в результате разгрома ранее 10 в., т. е. до времени, когда степи вместо хазар заняли мадьяры и печенеги, следующая за хазарами волна заволжских кочевников.

Одновременно со славянами восточную – донецко-донскую часть лесостепи заселили аланы, переселившиеся сюда с Северного Кавказа из-за опасного соседства арабов.[39] В отличие от славян они жили преимущественно в неукрепленных поселениях, а известные в их стране каменные замки скорее всего были центрами хазарской администрации, а не убежищами от внешних врагов. Судя по этому, власть хазарского государства над аланами, представленными салтовской культурой, была более организованной и прочной, чем над славянами.

При своем заселении левобержной лесостепи славяне встретились с остатками укрывшихся в лесах кутригуров и ассимилировали их. Об этом можно заключить по памятникам так называемой волынцевской культуры.[40] Кроме землянок с каменными или глинобитными печами славянская роменская культура характеризуется лепной керамикой, отличающейся хорошо выраженными, почти горизонтальными плечиками и орнаментом в верхней

[37] А. В. Гадло. О черных и внутренних болгарах. Доклады по этнографии, вып. 6, 1968.

[38] Менандр. Византийские историки. Перев. С. Дестуниса. СПб, 1860, стр. 324.

[39] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 146 сл.; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М. 1967, стр. 90 сл.

части сосуда, нанесенным крупнозубчатым инструментом в виде ряда косых линий, зигзага или косых крестов,[41] но в некоторых поселениях наряду с этой керамикой находится другая, не имеющая с ней ничего общего. Это сосуды, слепленные от руки или сформованные на гончарном круге и отличающиеся особой, несвойственной славянам формой. При раздутом тулове они имеют более или менее высокое цилиндрическое гордо. Сделанные с помощью гончарного круга, эти сосуды нередко украшены скромным пролощенным орнаментом того же рода, что и у пастырской кружальной посуды.[42] Хотя формы волынцевской керамики в целом отличаются от форм, распространенных в пастырской культуре, первую из этих культур вероятнее всего считать продолжением второй, т. е тоже кутригирской, как так для нее нет другого претендента. К тому же среди пастырской керамики так же имеются сосуды с цилиндрическим горлом.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в поселениях волынцевская керамика всегда находится вместе с роменской в условиях явного сосуществования. Одним из наиболее ранних памятников роменской культуры является Битицкое городище.[43] Лепная керамика в нем еще не приобрела всех признаков, характерных для этой культуры и почти не имеет обычного роменского орнамента. Среди керамики этого городища со славянскими формами нет сосудов, сделанных с помощью гончарного круга. Зато волынцевская керамика в нем особенно многочисленна и представлена не только лепной, но и кружальной посудой. К более позднему времени относится Новотроицкое городище,[44] где керамика роменского типа характеризуется всеми свойственными ей признаками и кроме лепной представлена сосудами, сформованными на примитивном гончарном круге. Волынцевская керамика на этом городище иногда украшена прочерченным линейным орнаментом славянского типа. Она доживает до конца существования Новотроицкого городища в 10 в.

Волынцевские формы керамики проникают и в салтовскую культуру Донецко-Донского междуречья, что по-видимому свидетельствует о передвижении части кутригуров на северо-востик.[45] Колосковский клад с вещами

[40] Д. Т. Березовець. Дослидження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949–1950 рр. АП, т. V, 1955, стр. 49 сл.; Д. Т. Березовець. Слов'яни й племена салтівської культури. Археологія, т. XIX, 1965, стр. 52, сл.; И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, вып. XXIX–XXX, 1959, стр. 58.

[41] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА № 104, 1961, стр. 214 сл.

[42] Там же, стр. 238–240.

[43] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 65 сл. Д. Т. Березовець. Слов'яни, стр. 53.

[44] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МиА № 74, 1958.

[45] С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами. СА 1902, № 1, стр. 91; Д. Т. Березовець. Слов'яни, стр. 59.

пастырских типов[46] указывает именно на это направление бегства кутригуров от нападавших на них хазар. А. П. Смирнов обратил внимание на Рождественский могильник в Татарии, одиноко стоящий среди памятников Среднего Поволжья и Прикамья.[47] Он состоит из грунтовых погребений с трупосожжениями. В могилах, кроме сложенных на дне ямы останков сожженнного покойника, находится несколько сосудов, сходных по своим формам с волынцевской керамикой, да и могильник в целом соответсвует могильнику, именем которого названа волынцевская культура.[48] Этот последний находится близ д. Волынцево и состоит из трупосожжений, погребенных в грунте, но в отличие от Рождественского могильника сложенных не на дне могилы, а в сосудах-урнах, сопровождаемых несколькими другими сосудами. Известны следы и еще двух могильников с керамикой волынцевского типа: у м. Будки[49] и у г. Сосница.[50] Все они признаются славянскими, хотя в славянских погребениях с трупосожжениями сопровождающей урну керамики обычно не наблюдается, да и формы керамики в них существенно отличаются от славянских. Возмохжно, что часть создателей пастырско-волынцевской культуры практиковала трупосожжение, но не исключается и другое допущение, а именно, что обряд трупосожжения был заимствован кутригурами у смешивающихся с ними славян. Впрочем, погребений роменской культуры без волынцевских элементов неизвестно, а несколько более поздние славянские погребения совершались под полушаровидными курганами. Во всяком случае причисление к славянским рождественского могильника, датируемого А. П. Смирновым 6—8 вв., совершенно невероятно. Но он может принадлежать бежавшим к волжским болгарам кутригурам.

Окончательного решения вопроса о волынцевской культуре надо ждать от новых открытий и исследований, в данном же случае мысль о генетической связи ее с пастырской культурой и кутригурской принадлежности является не более чем вероятной гипотезой. Что же касается пастырской культуры как культуры не славянской, а кутригурской, то это заключение мне представляется бесспорным. Славяне заселили берега Днепра только после того, как они были очищены хазарами от болгар -кутригуров.

[46] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. 1905 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 150 сл.

[47] А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. Историко-археологический сборник А. В. Арциховскому. М. 1962, стр. 161.

[48] Д. Т. Березовець. Досліджения, стр. 242.

[49] Н. Макаренко. Отчет об исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 50.

[50] Н. С. Виноградский. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосницы. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 50.

Добавлние

Уже после написания статьи мне стали известны результаты раскопок Д. Т. Березовца в низовьях р. Тясмина. Там открыты небольшие бескурганные могильники с трупосожжениями, такой же пеньковской керамикой и вещами пастырских типов, как и на находящихся поблизости поселениях (Д. Т. Березовець. Могильники уличів у долині р. Тясмину. В сб. Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, стр. 58 сл.). Это открытие делает несомненным существование у части населения. пастырской культуры трупосожжений, а наличие в Волынцевском могильнике реберчатой керамики и сходство его в погребальном обряде с этими могильниками подтверждает генетическую связь пастырской и волынцевской культур. Биритуальность погребений подкрепляет предположение о неоднородности состава населения пастырской культуры и о восможности включения в него остатков населения предшествующей черняховской культуры.

Сокращения

АП – Археологічні пам'ятки УРСР.
ЗРАО – Записки Русского археологического общества.
ИАК – Известия Археологической комиссии.
КСИА – Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК – Отчет Археологической комиссии.
СА – Советская археология.